

Читайте захватывающие детективные мелодрамы Галины Романовой:

Расплата за наивность	Любвеобильный джекпот
Встретимся в другой жизни	Длинная тень греха
Я – его алиби	Личное дело соблазнительницы
Девушка с секретом	Большие проблемы
Блудница поневоле	маленькой блондинки
Неплохо для покойника	Красотка печального образа
Стервами не рождаются!	Ночь с роскошной изменницей
Дожить до утра	Окно в Париж для двоих
Крестный папа	Лицензия на happy end
Ничто не вечно под луной	Черная корона
Миллион причин умереть	Рыцарь чужой мечты
Рыжая-бесстыжая	Демон искушения
Охотники до чужих денег	Грешница в шампанском
Мужей много не бывает	Принцип Отелло
Ты у него одна	Исполнительница темных желаний
Любитель сладких девочек	Жизнь нежна
Игры в личную жизнь	Мода на чужих мужей
Черт из тихого омута	Пока смерть не разлучит нас
Обмани меня красиво	Завтра не наступит никогда
Старая тайна, новый негодяй	Пять минут между жизнью и смертью
Миллионерша поневоле	Любовь окрыляет
Внимание: неверный муж!	Единственная моя
В любви брода нет	С первого взгляда
Последняя ночь с принцем	Второй подарок судьбы
Осколки ледяной души	Зеленые глаза викинга
Счастье по собственному желанию	Тайна, приносящая смерть

Цвет мести – алый	Без вины преступница
Не доставайся никому!	Пленная птица счастья
Чужая жена — потемки!	Ничего личного, кроме боли
Возвращаться – плохая примета	Заговор обреченных
Врачебная тайна	Узнай меня
Призрак другой женщины	Заповедник потерянных душ
Тайну хранит звезда	Ангел мщения
Семь лепестков зла	Первый шаг к пропасти
Свидание на небесах	Вкус запретного плода
Ведьма отмщения	Исповедь обманутой жены
Программа защиты любовниц	Свидетельницы зла
Кинжал в постели	Королева отшельников
Гнев влюбленной женщины	Игры небожителей
Лучший день в году	Грех с ароматом полыни
Нирвана для чудовища	Кукла-любовь
Незнакомка с тысячью лиц	Позови ее по имени
Последнее прибежище негодяя	К северу от любви
Счастье с третьей попытки	Пепел прошлого
Подвенечный саван	Без крестной феи
Заклятие счастья	Псевдоним украденной жизни
Торговка счастьем	Цена откровения
Амур с оптической винтовкой	Конец игры с продолжением
Мсть Спящей красавицы	Шоу семейных секретов
Демон ревности	В интересах личного дела
Преступно счастливая	Правда персонального формата
Изменница поневоле	Простить нельзя помиловать
Закон сильной женщины	

ГАЛИНА РОМАНОВА
ПРОСТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *К. Гусарева*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Простить нельзя помиловать / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины).

ISBN 978-5-04-168461-7

Прошло три с половиной года с тех пор, как пропала любимая девушка майора Полякова — Мария Белозерова. Тогда в городе действовал маньяк, насильник и убийца, и Машу сочли его жертвой. А сейчас неподалеку от дома Полякова найдено тело женщины. Несчастную убили полгода назад, генетический анализ показывает, что это не Маша, но на ней вещи, в которых пропавшая Белозерова была в день своего исчезновения! Майор Поляков под подозрением и отстранен от дела, но он начинает самостоятельное расследование вместе с местным тележурналистом...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168461-7

© Романова Г.В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ШАВА 1

Рваные облака метались в мутном небе, как кло-чья пены в грязной воде. Солнце застыло белым пятном высоко над заливом, на берегу которого он сейчас стоял. Было холодно и сыро. Дождь без конца накрапывал и тут же прекращался, сбегая вместе с пухлой тучей под порывами ледяного ветра.

Он отчаянно мерз. И легкая ветровка его на плечах давно промокла. И носков он не надел, собираясь на берег всего на пять минут. Надо было развернуться и уйти в теплый дом. До него всего двадцать пять метров. Он считал шагами. Метровыми.

В доме Таня. Она уже приготовила завтрак — красивый, полезный. По всем правилам. После ее завтрака он часов до пяти вечера не хотел есть. Она красиво накрыла на стол, как всегда. Обязательно скатерть. Непременно дорогая посуда. И приборов в достатке. Все как с картинки. Все как в кино.

Они усаживались за стол напротив друг друга. Ели молча. Она прикрывалась газетой. Почему-то для нее было важно разжигаться с утра информа-

цией непременно с бумажных носителей. Он читал новости в телефоне, положив его за тарелкой. Время от времени они отпускали какие-нибудь реплики по поводу неожиданностей. Потом снова погружались в чтение. И так до конца завтрака. Потом Таня некрасиво складывала газету, скорее, даже комкала ее. Коротко улыбалась ему. И принималась убирать со стола. Он шел в душ. Собирался. И, поцеловав ее в щеку у порога, уезжал в город. Он там работал. Таня, он точно знал, уезжала спустя полчаса. Она тоже работала в городе. В течение дня они не пересекались и почти не созванивались. Крайне редко. Если только ему или ей надо было сообщить, что к ужину не успевают. И что кому-то из них придется ужинать в одиночестве.

Он не знал, как она без него ужинала. Так же, за красиво накрытым столом, или с тарелкой в руках возле панорамного окна. Он делал себе бутерброды, наливал в маленький термос чай и шел на залив. Там у него имелась заветная скамейка. На нее он усаживался и жевал свои бутерброды, запивая их огненным чаем. Скамейка служила ему круглый год. И просиживать он на ней не мог, если только с небес лило как из ведра. Есть мокрый от дождя хлеб с колбасой было глупо. Все остальные погодные условия ему не мешали. Он сидел здесь и в мороз, и в снегопад.

В снег он особенно любил ужинать на скамейке. Мерз, но настойчиво сидел, уставившись на покрывшийся толстым льдом залив. Мерз и думал, думал, думал...

• Простить нельзя помириться •

Когда она пропала — любовь всей его жизни, нежность его, печаль его, — была такая вот погода: мороз, метель, темнота. И он думал, что она просто заблудилась. Просто не нашла дорогу к его дому на заливе. Вышла из такси и перепутала направление. Свернула не туда и попала в соседний поселок. Или в другой: тот, что был левее. Или правее. Маленьких хуторов на заливе было очень много. Дворов на десять, а то и пять. Их было с дюжину разбросано по берегу.

Он все их объездил. Обошел все тропы. Рыл снег на берегу, пытаясь отыскать ее следы. Ничего! Ни единого намека, что его любимая Маша где-то там побывала. После того, как она вышла из такси на автобусной остановке, ее никто никогда больше не видел.

— Тимофей, тебе надо научиться жить без нее, — советовал ему Машин родной брат. — Так нельзя!

— Ты научился? — смотрел на него Тимофей запавшими от горя глазами.

— Я хотя бы стараюсь. А ты..

А он не хотел учиться, не хотел стараться. Он вообще без нее жить не хотел. И лез в пекло на заданиях, за что его однажды чуть не уволили из органов. Пытался уехать в одну из горячих точек, не отпустили.

— Если хочешь знать, Поляков, то такие дела с ней не прокатывают. — Полковник закатывал глаза куда-то к потолку. — Она сама тебя найдет, когда придет твой час. А так можешь лишь покалечиться и инвалидом остаться. Есть кому за тобой ухаживать?

Галина РОМАНОВА

Он его слушал и не слушал. Но стал ждать — своей преждевременной кончины. Особенно не страховал себя в серьезные моменты. Но и на рожон не лез. Раз полковник говорит, значит, знает. Да и ухаживать за ним некому. Была Маша, да пропала...

Он скорее почувствовал, чем услышал, как дверь его дома открылась и закрылась. И Таня встала на террасе со скрещенными на груди руками. Она не будет его звать к завтраку. Она просто будет стоять немым изваянием, с бессловесным укором глядя ему в спину.

Интересно, в такие минуты, повторяющиеся все чаще, она угадывает его тоску? Понимает, о чем он думает? Никогда не спрашивает. Ни единого намека, что догадывается о его почти полном равнодушии к ней.

Он же не любит ее! И не любил никогда. Скрывать не стал, когда она принялась оказывать ему знаки внимания.

— Я никого больше не полюблю, Таня, — признался он ей в самый первый вечер, когда они ужинали в ресторане.

Пригласила она.

— Переживу, — усмехнулась она коротко, прикрывая лицо высоким бокалом с вином.

— Со мной будет сложно. Я... Я не могу забыть ее лицо, смех, походку. Я все еще люблю ее, словно она рядом.

— Ты считаешь меня уродиной? — перебила его Таня.

• Простить нельзя помириться •

Она смотрела серьезно, без обиды или намека на слезы. Просто поставила бокал между своей тарелкой и салатником. Посмотрела на него, как на своего подчиненного, и задала этот вопрос.

Он внимательнее к ней присмотрелся, чтобы не врать с самого начала.

Черные волосы до плеч, очень темные. Возможно, она их подкрашивала, а возможно, такими они были у нее от рождения. Черные глаза. Непроницаемые, как два угля. Смуглая кожа и яркие губы. Тонкие запястья и изящные пальцы с красивыми ухоженными ногтями. Хорошая фигура. Все в ней было почти безупречно.

Но она не была его Машкой!

— Она — не ты, — выпалил он и тут же поспешил извиниться: — Прости.

— Ты считаешь меня уродиной? — повторила она вопрос, никак не отреагировав на его реплику.

— Нет, нет, что ты! — поспешил он исправиться. — Ты красивая, Таня. Даже очень.

— Этого достаточно, — прервала она его следующую фразу, которую он пытался начать с «но». — Я не уродина и свободна. Ты свободен. И ты мне нравишься. Этого достаточно.

— Для чего? — Он все еще пытался сопротивляться ее напору.

— Для того, чтобы как-то существовать рядом.

Как она четко все обозначила тогда! Существовать — не жить. Рядом — не вместе. Так все и было с самого начала. Так продолжилось. И ничего до сих

Галина РОМАНОВА

пор не изменилось, хотя в его доме она живет уже два года.

Она готовит ему завтраки и ужины. Застилает постель. Стирает и гладит одежду. Уборкой в доме занимается соседка, которой сама же Таня и платит. Он подозревал, что и остальную работу по дому делает Нина Николаевна, просто Таня в этом ему не признается.

А ему все равно...

Он услышал шорох ее шагов. Таня не выдержала долгого ожидания и шла к нему, чтобы позвать на завтрак. Чтобы рядом постоять. Чтобы посмотреть тем самым взглядом, от которого ему весь день потом будет неловко.

— Куртка совсем промокла. — Ее ладони легли ему на плечи со спины. — Идем в дом, Тима. Схватишь сезонную простуду. Тебе нельзя болеть. Без тебя никак.

Он осторожно шевельнул плечами, ладони с его плеч исчезли. Глубоко вздохнув и выдохнув, он повернулся к ней с легкой улыбкой.

— Идем. Наверное, все остыло. Извини, что задерживаю тебя.

— Все нормально. Я сама немного припозднилась с завтраком. Оладьи подгорели. Пришлось делать омлет. И каши сегодня не будет.

— Не страшно, — беспечно отозвался он. — Ты знаешь, как я не люблю кашу.

— Знаю, — с легким смешком подтвердила Таня, взяла его под руку и повела к дому. — Но это полез-

• Простить нельзя помириться •

но. Приходится есть. Фу, Поляков, куртка совершенно мокрая.

У порога он снял кроссовки, повесил на плечики промокшую куртку и босым пошел к столу.

Скатерть, приборы, белоснежный фарфор, омлет под блестящим металлическим колпаком — все как в журнале. Он сел за стол напротив Тани. Она сняла металлический колпак с блюда, на тарелку ему тут же упали несколько рыхлых ломтей омлета и два огуречных кружка. Зашуршала газета. Танина голова скрылась за ней. Со вздохом, ткнув пальцем в телефон, он перешел в раздел новостей. Минуту ничего, кроме звяканья их вилок о тарелки, не было слышно. Потом газета натянулась в ее руках, замерла, тут же скомкалась посередине, и на него глянули ее изумленные новостью глаза.

— Ты... Ты это читал?! — Таня указала подбородком на скомканную газету в ее руках.

— Что именно?

— В разделе происшествий!

Ее смуглое лицо сделалось желтоватым, так она бледнела.

— Я еще не дошел. Что там?

Он вообще-то дома никогда не читал подобных новостей. Хватало сводок происшествий на работе. Татьяна же, напротив, ими зачитывалась. И даже пыталась их обсуждать и предполагать ход следствия. Он в ее рассуждениях никогда участия не принимал, считая это чудачеством.

— Там... — Желтизна ее щек сделалась почти прозрачной. — Там про нее...

Галина РОМАНОВА

— Про кого? — нацепленный на вилку огуречный кружок чуть дрогнул.

— Кажется, про твою Машу. Кажется, они нашли ее.

Утренний холод, который он почти не замечал на берегу залива, кажется, только-только до него добрался. Стало так холодно, что зубы лязгнули.

— Кто нашел? Где нашел? — стараясь говорить нормальным, не дребезжающим голосом, спросил Тимофей. — Когда нашел? Почему считаешь, что это Маша? Черт! Меня не было на работе два дня. Я ничего не знаю. Я сводок не читал!

— Нашли вчера рано утром. Недалеко от твоего дома. — Ее губы дрожали, голова опустилась. — Дождями подмыло берег. И тело...

— Дай сюда! — громко приказал он, хватая из ее рук скомканную газету.

Она все еще держала ее в руках крепко-крепко. А он дернул. И оторвал гигантский клочок, уничтожив статью. Треск рвущейся бумаги показался ему оглушительным.

— Да что же такое-то!

Он вскочил со стула, едва его не опрокинув. И метровыми шагами рванул в дальнюю комнату, куда Тане был вход запрещен. Это была его комната с Машей. Любимая их комната.

В ней почти не было мебели. Только старый плюшевый диванчик на два места, который они отодвинули от стены поближе к широким окнам в пол. Вид из них открывался потрясающий. Весь залив был как на ладони. А также сосны, нависшие над водой и чу-

• *Простить нельзя помириться* •

дом цепляющиеся корнями за песчаный берег. И еще противоположный берег справа виднелся. Чуть-чуть совсем. Тоненькой полоской, но угадывался. И ночами эта узкая полоска суши светилась крохотными точками далеких огней. И Маша называла их светлячками. И зазывала его вечерами поглазеть на светлячков.

Они усаживались на диванчик — скрипучий, жесткий, с пружинами, впивающимися в спины. Прижимались тесно друг к другу. Смотрели на мерцающие огни на линии горизонта. И молчали.

Им и не надо было говорить ни о чем. Их молчание было славным, сладким, обволакивающим. Сколько раз за минувшие три с половиной года он мечтал все это повторить? Сколько надеялся? Сосчитать невозможно. Он думал, мечтал, надеялся всегда. Каждый день без исключения.

Вот-вот, уже скоро, Машка вдруг объявится. Живой и невредимой. Встанет на пороге его дома с виновато опущенной головой и признается...

Да бог знает в чем она могла ему признаться! В неожиданной страсти, которой она поддалась. В бегстве от долгов, которые она от него скрывала. И даже в том, что по наивности попала в сексуальное рабство.

Плевать! Ему было плевать на причину, из-за которой она отсутствовал три с половиной года. Он готов был простить ей все-все-все. Лишь бы она вернулась. Лишь бы она была жива.

А что теперь?! Ни надежды, ни возвращения, ни прощения! Ничего этого не будет! И как...

И как ему теперь с этим жить?!

ЧАВА 2

Он и Она...

Он и она — и никого больше. Ни рядом, ни отдаленно, ни в мыслях. Или, как это теперь принято говорить: по умолчанию. Все, чтобы чисто было между ними. Открыто. Искренне и любяще. Он всегда об этом мечтал. Всегда этого требовал от своих женщин. Те не всегда понимали, глупые. Со временем принимались скучать и желать кого-то еще. Детей!

— Зачем они? — изумлялся он всякий раз подобным желаниям. — Сопли, слюни, ор, бессонные ночи, болезни. Ты в своем уме, чтобы желать этого?

Не дожидаясь, как правило, ответа, он принимался рисовать картину ужасной жизни с детьми. Никакой свободы. Отдыха на островах. Постоянные траты, по большей части бесполезные.

— Ты готова сократить свое довольствие ради орущего эгоиста? — изумленно округлял он глаза. — Готова отказаться от платья, туфель, сумочки ради пластикового танка или автомата?

Некоторые, подумав, говорили, что — нет, не готовы жить в ущерб себе и своим привычкам. Некоторые, подумав, были готовы к жертвам. С этими он расставался сразу. Первые, насладившись эгоизмом еще какое-то время, уходили сами. Он потом узнавал: они благополучно выходили замуж и рожали детей. И конечно, расплзались в талии и бедрах.

Фу-у-у! Этого он не выносил в женщинах. Мужчине, он считал, простительно быть обладателем

• Простить нельзя помириться •

лишнего веса. В конце концов, он добытчик, воин, са-
мец. Дополнительный сантиметр подкожного жир-
ка не мешает. Расходуя столько жизненных сил и
энергии, мужчина должен иметь запас.

Он покрутился гольшом перед зеркалом и тут же
накинул на себя махровый белоснежный халат.

В свои пятьдесят четыре года он выглядел потре-
пающе. Мускулист, подтянут, смугл и гладок кожей.
Темные волосы не тронуты сединой. Легкая сетка
морщин в углах глаз его не портила. И особенно его не
портило состояние его банковских счетов. Все это —
внешность и достаток — внушало ему уверенность,
что он вправе требовать от женщины того, чего за-
хочет.

Все были послушными. Почти все. Непослушных
он изгонял сразу. Капризных дурочек ему только не
хватало! Укрощать строптивых ему наскучило дав-
но. Хотелось мягкости и покорности. Но...

Но была одна женщина, которую он готов был тер-
петь всякой. И строптивой, и ноющей, и в слезах, и
непричесанной. С ней он давно расстался. Правиль-
нее, она сама от него ушла. Но, несмотря на это, он
помнил о ней. И каждую следующую свою даму с ней
сравнивал.

— Может, ты ее любишь, Федя? — подозритель-
но щурился в его сторону его лучший друг и бывший
партнер по бизнесу Иван.

Почему бывший партнер? Потому что Федор про-
дал ему свою долю в бизнесе за очень хорошие день-
ги. И наслаждался тепер и покоем, и тишиной, и ис-
кренней дружбой.